

О СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

В статье рассматривается возможность применения метода субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса для описания новейшего периода развития отечественной философии в единстве динамики философской рациональности в XX веке.

Ключевые слова: проблема субъекта и объекта, отечественная (русская) философия XX в., субъект-объектная парадигма историко-философского процесса, классическая философская рациональность, неклассическая философская рациональность.

XX век с его трагической трансформацией российского общества оценивается у нас еще, как правило, ценностно-эмоционально, в «красно-белом» спектре. Это понимание всецело распространяется и на толкование закономерностей развития философского процесса в советский период российской истории. Советскую философию либо отрицают, либо оправдывают. Нейтральный подход описывает ее коллекционерски – как набор персоналий, школ и направлений [7, с. 26]. Здесь есть свои открытия, вместе с тем отсутствие историко-философского сравнительно-типологического анализа остается явным пробелом в данной области исследований, хотя его основные линии осмыслены и определены.

То есть задачами развития разработок в этом направлении считается исследование связи с предшествующей русской традицией философствования, сложившейся к началу XX века, с основными процессами динамики современного философского процесса на Западе в XIX–XX веках, а также связь философии русского (советского) марксизма, по известным причинам доминирующей, с другими школами и традициями [6, с. 11–27]. Поэтому включение метода субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса и в эту область исследования может оказаться особенно продуктивным в сравнительно-типологическом аспекте.

Само это понятие в отечественной литературе появляется сравнительно недавно (В.В. Соколов), вместе с тем ряд авторов (М.В. Желнов, З.А. Каменский, К.Н. Любутин, М.К. Мамардашвили, В.С. Швырёв, В.А. Лекторский, И.С. Нарский, А.Ф. Зотов, Ю.К. Мельвиль, Б.Т. Григорьян, Т.А. Кузьмина и мн. др.) в 70–90-е гг. XX в. вплотную подошли к пониманию современного процесса развития философской раци-

ональности как перехода от ее классической к неклассической форме, в эпицентре которого находится изменение отношения между субъектом и объектом, изменения их модуса и модификаций. Причем были подвержены глубокому анализу как метафизические предпосылки классической философской рациональности, так и типологические черты философии нового, неклассического типа, окончательно утвердившейся как проект в 50-е гг. XX в. в связи с «реабилитацией метафизики». Это позволяет говорить об отечественной субъект-объектной программе исследования философского процесса, особенно современного.

В ее первом плане мы обнаруживаем принцип критики философской классики: в истоках последней заложен декартов двусубстанциализм и рождающаяся на его почве дилемма объективного и субъективного. Преодоление дилеммы остается невозможным в рамках классического философского мышления, ибо решение проблемы на стороне объекта, детерминирующего свободное действие субъекта, существующего в режиме восприятия (отражения), порождает объективизм как целостную онтологию и гносеологию. Решение проблемы на стороне порождающего в своем мышлении предмет субъекта рождает субъективизм с его онтологией и методологией. При всей их конфликтности метафизические основания их едины – это онтологическая двусубстанциональность, непроницаемая двуполусность «гносеологического» субъекта и объекта.

Во втором плане находится осмысление сути ключевой переориентации западной философии: в неклассической философии отношение субъекта и объекта не отменяется вовсе, но утверждается как сложное разнотерминированное, «многоплановое», «многостороннее»

системное отношение, где и субъект, и объект являются сложноструктурированными, взаимопредполагающими системами [5]. Другими словами, неклассическая философская рациональность фиксирует изменение модуса и модификаций объекта и субъекта, а также выводит их отношение за пределы гносеологической проблемы в область онтологии сознания.

Дальнейшая задача развития темы состоит в перенесении найденной логики анализа на процессы динамики отечественной философии. Основные методологические моменты таких исследований были предположены в работах М.В. Желнова, З.А. Каменского, К.Н. Любутина, М.С. Кагана, В.А. Лекторского и др. Именно поэтому новейший (советский) период в истории отечественной философии представляет особый интерес, что в это время происходит существенная трансформация плехановско-ленинской версии марксизма, «классической плехановской метафизики» [8, с. 9], в лице «ленинской теории отражения». «Тихая революция» в ходе «творческого развития марксизма» логически повторяет контуры смены типа философской рациональности на Западе и позволяет интегрировать установки и методы других направлений и школ в свой состав. В этом состоит мало востребованная ценность субъект-объектного подхода к историко-философскому процессу – возможность выявления универсальных оснований и объяснительных принципов, позволяющих описывать различные комплексы (теории, парадигмы) отечественной философии XX в. в единстве основных тенденций философского процесса в перспективе их будущего развития.

Именно логика выявления универсальных оснований, объяснительных принципов, предельных абстракций (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, М.К. Мамардашвили, Э.Г. Юдин, В.С. Швырёв, В.С. Стёпин), снимающих схемы классического противопоставления субъекта и объекта, уточняет суть метафизического поворота и составляет третий план названной программы.

Итак, многие ведущие отечественные исследователи указывали на 50-е гг. XX в. как на время коренной переориентации современной западной философии. В этот период утрачивает силу яркое противостояние объективистских, реалистских, сциентистских доктрин неопозитивистского (аналитическая философия), «научно-материалистического» (неореализм, кри-

тический реализм, научный материализм, научный реализм) и неогегельянского типа, с одной стороны, и теорий субъективистского, антропологического, антисциентистского толка (неокантианство, феноменология и экзистенциализм, неотрейдизм, неомарксизм, неорационализм) – с другой. Интеграция метафизических и методологических предпосылок описывается как результат преодоления классической модели субъект-объектного противопоставления [3].

Реалистские доктрины с огромным трудом перемалывают свои исходные постулаты: классическую теорию истины, референции и смысла, синонимическую концепцию изоморфизма. Признаками такого поворота является перенос внимания к естественным языкам (от семантики к прагматике), целостному контекстуальному (интенциональному) анализу (введение понятий ситуации, конвенции, парадигмы, языковых игр, концептуальных схем и т. д.). Разработка схем коммуникативизма и интерсубъективизма позволяет осуществить новый синтез и включить в аналитическое движение неокантианский и феноменологический анализ жизненного мира и ценности, прагматистский операционализм и инструментализм, аналитические версии структурализма, т. е. течений, настороженно относившихся прежде к сциентизму.

Названное возрождение метафизики в западной сциентистской философии вызвало ориентацию на холистские, космистские и эмерджентистские картины эволюции мироздания и человека, коэволюционные и ноосферные проекты. В этой связи здесь оказались востребованными холистические идеи неогегельянства и «философии жизни», прежде активно критикуемые.

Таким образом, в линии развития реалистских доктрин мы имеем необъективистское переосмысление понятий объекта и субстанции. Объект теперь мыслится в форме бытия, субстанции, целого, открытой системы, включающей в себя субъекта как универсальную свою часть (обладающую всеми признаками целого), как момент собственной целостности и саморазвития.

Из таких предпосылок можно говорить о типологическом месте отечественной философии XX века в процессе осмысления отношения части и целого, субъекта и субстанции, элемента и системы. А именно: через учение Спинозы, «философию тождества» Шеллинга, Гегеля и Маркса, через опыт построения систем

всеединства и космизма (антропокосмизма) в новейший период данная линия развивалась в форме «философии тождества» материалистического монизма в философии А.М. Деборина, Б.М. Кедрова, С.Л. Рубинштейна, Э.В. Ильенкова и др. Типологически эта линия примыкает к тем проблемам, которые развиваются в западном неогегельянстве (эмержентизм, отношение всеобщего и личностного начала и т. д.).

Системный, сциентистский вариант философии марксизма разрабатывался в философии А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, «системного движения» в СССР. Уже на первых шагах системные идеи тесно переплетались с развитием позитивизма и были чреватые неомарксистской ревизией официальной линии в философии.

В центральной точке этой линии оказалась глубоко промысленная задача нахождения элементарной единицы, универсального субъект-объектного отношения. Такая единица понималась не как механический факт, а как органический акт обмена энергией системы со средой, в момент которого только и возможно единство системы. Элементарное действие слова, знака, смысла, текста, организма в среде мыслится здесь как момент тождества части и целого, субъекта и объекта, который и есть момент как собственно саморазличения субстанции, целого, так и самотождественности субъекта, части. Такая трактовка роднит «философию тождества» и «философию системного объекта» и выводит проблему за границы онтологии (человеческого) сознания в область фундаментальной онтологии.

Системные идеи в дальнейшем нашли развитие в синергетическом понимании процессов организации. В недрах отечественного сциентизма, как и на Западе, вырастает интуиция онтологического единства мира, ставившая предел противопоставлению живого и неживого, (поступка и события, «события смысла», в терминологии М.М. Бахтина), развившаяся в проект человека-размерного, антропокосмистского, ноосферного понимания единства мира, особенно в философии В.И. Вернадского, Н.Г. Холодного, а затем у Н.Н. Моисеева и И.Т. Фролова. Идеи ноосферного и антропокосмистского сознания также имеют серьезное продолжение и в постсоветский период отечественной философии (Ф.И. Гиренок, В.Н. Сагатовский и др.).

Проблема «концептуализации субъективного» (М.К. Мамардашвили) тесно связана с

проблемой переосмысления объективного и целиком определяет встречнонаправленное сближение субъективистских, трансценденталистских, антропологических, антисциентистских концепций. Новый субъективизм открывает человека, не чуждого миру и другому человеку, но человека, включенного в мир, космос как микрокосм, соучастник бытия, обретающий свою сущность в момент трансцендирования, действия, поступка, выводящего его за пределы своей гносеологической и эмпирической единичности. Субъект приобретает черты всеобщего субъекта, субъекта деятельности.

Истоки нового субъективизма возводят к трансцендентальному субъективизму Канта и Фихте, философии практики и деятельности Маркса. В неклассической философии его основоположения развивают неокантианство, феноменология, прагматизм, неопозитивизм и неомарксизм [4, с. 57–60]. Его метафизические основания основываются на элементарном акте человеческой деятельности (символическом действии, социальном действии, интеракции, реакции и т. д.).

Концептуализацию основных принципов трансцендентализма (гуссерлевская интенциональность, когеновское трансцендентальное основоположение, кассиреровские символические функции (формы) и др.) связывают с утверждением «...некоей экзистенциально- или трансцендентально-антропологической исходной субстанции, в подчеркивании обусловленности мира вещей и наших представлений о них человеком, различными формами его деятельности» [2, с. 115]. В том же направлении шла работа в отечественных школах академической философии, особенно неокантианства и феноменологии, на рубеже веков самостоятельно выразивших «смену метафизической позиции». Это родство генеральной линии показывают современные исследования В.П. Зинченко, О.Н. Бредихиной, И.И. Евлампиева, А.А. Ермичева.

С гегемонией марксистской философии в СССР развитие этих концептуальных схем не пересеклось, но нашло почву на ниве разработки категорий практики и деятельности. Особенно последнее замечание применимо к философии С.Л. Рубинштейна, ученика Г. Когена. Именно логика поиска универсального основания ложится в фундамент теории деятельности. Согласно Рубинштейну, деятельность в качестве элементарного акта есть такой «переход

субъекта в объект», в процессе которого «формируется сам субъект», единовременный процесс объективирования, конструирования мира и порождения самого субъекта [10, с. 24–25]. Именно это фундаментальное понимание деятельности и действия как элементарного субъект-объектного отношения избавляет теорию деятельности от противоречий классических дихотомий, поэтому к ней неприменимы ни схемы отражения (реакции), ни схемы порождения, ей неосмотрительно вменяемые.

В самом поиске такой фундаментальной абстракции марксистская философия эпохи «тихой революции» повторяет общую логику движения неклассической философии к определению кореллята, посредника между субъектом и объектом, под какой бы категорией он ни скрывался: чувственности, труда, практики, деятельности или языка, экзистенции, интеракции, коммуникации (А.Ф. Зотов, Т.А. Кузьмина).

Однако следует иметь в виду, что хотя многие школы и течения и претендовали на роль философии нового типа, манифестировали свое отличие от предшествующей философии, вместе с тем рудименты классического философского мышления оставались непреодоленными. Может быть, в значительной степени это относится к философии марксизма и позитивизму. Очень точно это ощущение незаконченности отечественной версии философии марксизма выразил И.Т. Ойзерман в парадоксе: «диалектический материализм так и не стал диалектическим». По мнению автора, диамат не выработал своего предмета, не сформулировал особого, отличного от материализма метафизического, определения материи, не создал особой гносеологии, базирующейся не на классической теории отражения, не разработал отличных от предшествующих концепций детерминизма, развития, истины [9, с. 15–31].

Поэтому особую перспективу изучения и развития представляет другой, неклассический проект развития философии отечественного марксизма, так как в свое основание он кладет не

диалектику материального и идеального, а диалектику субъекта и объекта, данную через онтологию деятельности и практики, мира человека. Эта программа, оказавшаяся в эпицентре философского поворота к новой рациональности, в общих чертах реализованная в 60–80-е гг. XX в., была максимально открыта к интеграции сходных по структуре методов других исследовательских программ современной философии.

Субъект-объектная парадигма позволяет прояснить основания элементарного субъект-объектного отношения и снять противоречия различных его исследовательских программ в отечественной философии XX в., вызванных применением различных категориальных систем, т. е. разночтениями. Через введение принципов единства деятельности и коммуникации, как мы показали, преодолеваются разночтения между деятельностной и коммуникативной парадигмой [1, с. 9–11]. Таким же способом применение принципа единства сознания и деятельности позволяет рядоположить объяснительные схемы деятельности («школы Рубинштейна») и операции («школы Выготского»). Принципы монизма и тождества бытия и сознания позволяют подвести общий знаменатель под дискуссию «диалектиков» и «механистов» в 20–30-е, «субстанциалистов» и «системников» в 60–70-е годы. Все это может способствовать новому прочтению и использованию идей названных школ и направлений в условиях новых синтетических процессов в современной философии.

Итак, подводя предварительный итог, можно говорить о том, что метод субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса предполагает устойчивые единицы анализа современных механизмов динамики философской рациональности, что позволяет открыть новую перспективу исследования основных векторов отечественной философии в XX в. в недрах мирового философского процесса.

23.11.2011

Список литературы:

1. Захаров Д.В. О соотношении деятельностной и коммуникативной парадигмы в отечественной философии 60–80-х гг. XX в.: субъект-объектный метод / Д.В. Захаров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 8–12.
2. Григорьян Б.Т. Современная ситуация в западной буржуазной философии / Б.Т. Григорьян // Вопросы философии. – 1985. – №1. – С. 111–133.
3. Кузьмина Т.А. Проблема субъекта в современной буржуазной философии / Т.А. Кузьмина. – М.: Наука, 1979. – С. 5, 14–16; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – С.18, 19; Григорьян Б.Т. Современная ситуация в западной буржуазной философии – С. 115.

4. Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – С. 56–66.
5. Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии / К.Н. Любутин. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 9, 105–106; Лекторский В.А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии / В.А. Лекторский. – М.: Высшая школа, 1965. – С. 6-7, 120–121; Каган М.С. Проблема субъектно-объектных отношений в марксистско-ленинской философии / М.С. Каган // Философские науки. – 1980. – №4. – С. 47–49.
6. Любутин К.Н., В.М. Русаков. Отечественная философия советского периода. Очерки. – Ч. 1. / К.Н. Любутин, В.М. Русаков. – Екатеринбург: Издательство УрГСХА, 2002. – 200 с.
7. Наумова Т.В. Некоторые размышления о проблемах исследований и периодизации истории советской философии / Т.В. Наумова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 23–28.
8. Пустарнаков В.Ф. Свет и тени в истории советской философии // Вопросы философии. – 1997. – №11. – С. 8–12.
9. Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. – 2000. – №2. – С. 3–31.
10. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса / С.Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – С. 19–47.

Сведения об авторе: **Захаров Денис Владиславович**, старший преподаватель кафедры философии и биоэтики Астраханской государственной медицинской академии
414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121, тел. 89053600315, e-mail: dz33@yandex.ru

UDC 111:1 (=161.1) «19» (091)

Zakharov D.V.

Astrakhan state medical academy, e-mail: dz33@yandex.ru

ABOUT THE SUBJECT-OBJECT APPROACH TO THE HISTORY OF NATIVE PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY

The possibility of applying the method of subject-object paradigm of the historical and philosophical process for describing the modern period of new philosophy development in the unity of the dynamics of philosophical rationality in the twentieth century.

Key words: the problem of subject and object, the native (Russian) philosophy of the twentieth century, subject-object paradigm of the historical and philosophical process, classical philosophical rationality, non-classical philosophical rationality.

Bibliographi:

1. Zakharov D.V. About correlation of active and communicative paradigm in native philosophy 60 – 80th XX century: the subject-objective method / D.V. Zakharov // the Bulletin of the Orenburg state university. – 2010. – №1. – S. 8 – 12.
2. Grigorjan B.T. Modern situation in the western bourgeois philosophy / B.T. Grigorjan // Philosophy Questions. – 1985. – №1. – S. 111 – 133.
3. Kuzmina T.A. Problem of the subject in modern bourgeois philosophy / T.A. Kuzmina. – Moscow: Science. – 1979. – S. 5, 14 – 16; Lektorsky V.A. Subject. Object. Knowledge / V.A. Lektorsky. – Moscow: Science. – 1980. – S. 18 – 19; Grigoryan B.T. Modern situation in the western bourgeois philosophy – S 115.
4. Lektorsky V.A. Active approach: death or revival? / V.A. Lektorsky // Philosophy Questions. – 2001. – №. – S. 56 – 66.
5. Ljubutin K.N. Problem of the subject and object in German classical and Marxist-Leninist philosophy / K.N. Ljubutin. – Moscow: Higher school. – 1981. – S 9, 105 – 106; Lektorsky V.A. Problem of the subject and object in classical and modern bourgeois philosophy / V.A. Lektorsky. – Moscow: Higher school. – 1965. – S. 6-7, 120 – 121; Kagan M. S. A problem of subject-objective relations in Marxist-Leninist philosophy / M.S. Kagan // Philosophical sciences. – 1980. – №4. – S. 47 – 49.
6. Ljubutin K.N., V.M. Rusakov. Native philosophy of the Soviet period. Sketches. – T1. / K.N. Ljubutin, V.M. Rusakov. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State Agricultural Academy, 2002. – 200 S.
7. Naumova T.V. Some thoughts about the problems of researches and history periodization of the Soviet philosophy / T.V. Naumova // The Bulletin of the Orenburg state university. – 2010. – №1. – S. 23 – 28.
8. Pustarnakov V. F. Light and shades in history Soviet philosophy // Philosophy Questions. – 1997. – №11. – S. 8 – 12.
9. Oizerman T.I. Experience of critical comprehension of dialectic materialism Philosophy Questions. – №2 – S. 3 – 31.
10. Rubinshtein S.L. Problems of psychology in Charles Marx's works / S.L. Rubinshtejn // Problems of the common psychology. – Moscow: Pedagogics. 1976. – S. 19 – 47.